

**Институт недостойного наследника в послевоенных проектах Гражданского
Кодекса СССР (1946 - 1956 гг.)**

Научный руководитель – Полянский Павел Львович

Прокопец Анастасия Германовна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический
факультет, Москва, Россия

E-mail: Prokopets.Asya@yandex.ru

В 1947 году в первом послевоенном проекте ГК СССР в главе о наследственном праве появилась неожиданная норма, устраняющая от наследования а) убийцу и лицо, совершившее покушение на наследодателя, б) лицо, побудившее или воспрепятствовавшее путём обмана, угроз или насилия совершить, изменить или отменить завещание, в) лицо, подделавшее, скрывшее или уничтожившее завещание. Эти же правила распространялись на отказополучателя. Лицо, устранённое от наследования приравнивалось к лицу, умершему до открытия наследства.

При этом устранение от наследования не могло произойти, если наследодатель простил виновного, а также если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности [1].

С одной стороны, норма не экзотична для истории отечественного наследственного права, она похожа на норму статей 1347, 1350, 1351 проекта Гражданского Уложения Российской Империи 1910 года, в которых также предусматривается отстранение от наследования и возможность прощения наследника [5; 467].

С другой стороны, в РСФСР с 1926 года действовало правило, лишавшее убийцу права наследования в имуществе убитого [4; 136], и по ней не было обширной практики. Потому введение в такой форме статьи в проекте ГК, добавляющей ответственность за противоправное поведение, связанное с наследованием по завещанию, с учётом нераспространённости этой формы наследования в Советской стране, вызвало сомнения.

Например, М.О. Рейхель в отзыве на главу о наследовании предложил заменить норму краткой формулировкой: «Если наследство в пользу данного наследника открылось в результате преступления с его стороны, то наследник устраняется от наследования». «Статья, - писал М.О. Рейхель, - отдаёт какой-то Достоевщиной и едва ли целесообразна в таком развёрнутом виде» [3].

Серьёзная критика касалась второй части, допускающей возможность прощения. Например, И.С. Перетерский считал, что нет оснований предоставлять наследодателю право освобождать преступника от последствий очевидно преступных деяний. Кроме того, возможность прощения лишает всю статью изначальной доли эффективности, не говоря уже о том, что почву для споров может составить вопрос о знании или незнании наследодателя о преступлении [2].

Интересна и схожесть формулировки проектной нормы со статьями Германского Гражданского Уложения, для наглядности я представлю параллели в виде таблицы (см. Рис. 1).

Возможно, такое сходство объясняется тем, что, после создания Советской оккупационной зоны Германии в 1945 году, наши правоведы обратили пристальное внимание на Уложение с целью в недалёком будущем внести в него социалистические коррективы. Я допускаю, что авторы главы о наследовании черпали вдохновение даже не в отечественных

дореволюционных разработках проекта Гражданского Уложения, а именно в Германском Уложении, но, разумеется, сейчас сложно судить однозначно.

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся некоторые наработки по подготовке Гражданского Кодекса ГДР. Немецкая юридическая пресса пятидесятых годов готовилась к принятию нового Гражданского Кодекса (*neues Zivilgesetzbuch*), обсуждались концепции совмещения идей марксизма с современной советской и германской действительностью, в том числе дискуссии относились к пересмотру наследственного права в республике, анализировался советский исторический контекст, начиная с Декрета «Об отмене наследования» [7; 345-347].

У зарубежных учёных красной нитью проходила мысль, что сущностная разница между советским и буржуазным наследственным правом в середине века осталась лишь в доктринальных декларациях, а немецкие цивилисты высказывали мнение, что изменения «на советский лад» для ГДР не принесут в отрасль принципиальной новизны, но послужат превращению Права в средство политической власти [8; 446].

Возвращаясь к Советской стране, важно понять, что в проекте ГК СССР в 1947 году появилась специфическая своей формулировкой норма, не только знакомая буржуазному законодательству, но и стоящая на защите права наследования по завещанию, возводящая в абсолют последнюю волю наследодателя. Причём для советского права даже относительная свобода завещаний - новшество военного времени, и во время разработки ГК СССР действовало положение Указа 14 марта 1945 года, по которому завещания любому лицу допускались только при отсутствии законных наследников.

Источники и литература

- 1) ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1988. Л. 101–102.
- 2) ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1996. Л. 28.
- 3) ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 1. Д. 1997. Л. 146.
- 4) Гражданский Кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 января 1952 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М., Госюриздат, 1952, С. 136.
- 5) Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Комиссии по составлению Гражданского уложения. (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной Думой) / Под редакцией И.М. Тютрюмова. Том 1. СПб., 1910.
- 6) *Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. August 1896 nebst den Einführungsgesetzen vom 18. August 1896. Textausgabe mit alphabetischem Sachregister.* München, C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1907.
- 7) Jansen. Zur Konzeption des sozialistischen Erbrechts // *Neue Justiz.* 1959.
- 8) Legien R. Zur Konzeption eines sowjetisierten Erbrechts in der Sowjetzone // *Juristische Rundschau.* 1959.

Иллюстрации

ГГУ 1900 г.	Проект ГК СССР 1947 г.
<p>§ 2339. Недостойным наследником является тот, кто:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) умышленно и противоправно лишил жизни наследодателя, либо совершил покушение на его жизнь, либо привел его в такое состояние, что наследодатель вплоть до своей смерти не был способен составить или отменить распоряжение на случай смерти; 2) умышленно и противоправно препятствовал наследодателю составить или отменить распоряжение на случай смерти; 3) обманом либо противоправной угрозой побудил наследодателя составить или отменить распоряжение на случай смерти; 4) оказался виновен в одном из преступлений, указанных в § 267, 271–274 Уголовного уложения. 	<p>Устраняется от наследования:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Лицо, умышленно лишившее жизни наследодателя или совершившее покушение на его жизнь; 2) Побудившее путём обмана, угроз или насилия совершить, изменить или отменить завещание; 3) Воспрепятствовавшее путём обмана, угроз или насилия совершить, изменить или отменить завещание; 4) Подделавшее, скрывшее, уничтожившее завещание.
<p>§ 2343. Оспаривание исключается, если наследодатель простил недостойного наследника.</p>	<p>Устранение по указанным основаниям не может последовать, если:</p> <ol style="list-style-type: none"> А) Наследодатель простил виновного; Б) В отношении виновного в силу истечения срока давности не применяется наказание.
<p>§ 2344. 2) Наследство переходит лицу, которое было бы призвано к наследованию, если недостойного наследника не было бы в живых к моменту открытия наследства; приобретение признается с момента открытия наследства.</p>	<p>Лицо, устранённое от наследования приравнивается к лицу, умершему до открытия наследства.</p>
<p>§ 2345. 1) Если отказополучатель виновен в совершении одного из указанных в абз. 1 § 2339 проступков, то притязание, основанное на завещательном отказе, является оспоримым [5; 558–560].</p>	<p>Правила настоящей статьи применяется и в отношении отказополучателя.</p>

Рис. 1. Таблица сравнения норм Германского Гражданского Уложения 1900 года и проекта Гражданского Кодекса СССР 1947 года